

Было два часа дня в один из мартовских дней.

В огромном кампусе Университета К, на территории сельскохозяйственного факультета, собралась большая группа людей.

Они были разного возраста, одеты в одежду разных стилей, но у каждого из них был одинаковый взгляд, полный надежды и неуверенности, когда они ждали, когда откроются стеклянные двери.

Среди них был и Масамити Адати, которому в тот год исполнилось двадцать лет.

Пожалуйста, Господи. Я не знаю, какому богу мне молиться, но, пожалуйста, пусть они наконец примут меня в этом году.

Он молился так с тех пор, как проснулся тем утром.

Он знал, что уже слишком поздно для молитв, но ничего не мог с собой поделать.

Горло ужасно жгло, и он не мог перестать кашлять, поэтому достал из своего тонкого рюкзака пластиковую бутылку с чаем и сделал глоток.

Утром он торопился и приехал почти на час раньше назначенного времени, поэтому простыл. Это было неудивительно, ведь он просто стоял на одном месте и ничего не делал. Лодыжки болели, суставы затекли.

Уже почти пришло время объявлять результаты. Мне до смерти хочется узнать, как я выступил. Но, может быть, лучше узнать об этом позже. Я бы взял с собой грелку, если бы знал, что будет так холодно.

Масамити растирал онемевшие руки, чтобы согреть их, когда из толпы послышался ропот.

Из соседнего здания вышли три человека в костюмах, которых все ждали.

Старший из них держал в руках громкоговоритель, а двое других - свернутые бумаги.

Старший шагнул к голым деревянным доскам объявлений и поднес громкоговоритель ко рту, привлекая всеобщее внимание.

— Спасибо всем за ожидание. Сейчас мы опубликуем идентификационные номера абитуриентов, прошедших вступительный экзамен в наш университет!

Под трескучий голос из громкоговорителя люди, собравшиеся у ворот, протиснулись к доскам объявлений.

Именно этого они и ждали.

Результаты выборов можно было посмотреть и в Интернете, но такова уж человеческая психология, что хочется увидеть и почувствовать эмоции на месте.

Масамити двигался вместе с толпой, несмотря на онемение в замерзших ногах.

Два других сотрудника университета с благоговением и осторожностью разворачивали, расправляли и наклеивали на доски объявлений один лист бумаги за другим.

На белой бумаге без отделки был аккуратно напечатан список пятизначных номеров абитуриентов.

Толпа толкалась перед досками объявлений, люди искали свои номера. Одни кричали от радости, другие падали духом.

Некоторые обнимались и радовались вместе с теми, кто был принят. Другие прыгали от радости, а третьи подавляли свое счастье и утешали друзей, не прошедших тест. Одни уже набирали желающих вступить в школьные клубы, а другие проверяли результаты и спокойно уходили.

Среди таких ярких и мрачных сцен Масамити сканировал доски объявлений в поисках своего номера.

О, мой номер должен быть в этом районе.

Он нерешительно прошел через людей, преграждавших ему путь, и подошел к только что вывешенному листу. Для такого маленького и худенького парня, как он, это простое действие было тяжелым.

Пожалуйста, Боже, пусть в этом году меня наконец примут, повторял Масамити мысленно каждый свой шаг, словно произнося заклинание.

Но его отчаянное желание не было исполнено.

Все было так же, как и в прошлом году. Масамити находил цифры до и после своей, но его не было.

Он потерпел неудачу.

Этот результат был подобен удару длинного копья; он ощутил его от макушки головы до кончиков пальцев ног.

Это случилось снова. Они... отвергли меня. Люди с номерами до и после моего вошли, но не я.

Вся энергия ушла из него, и он едва не рухнул, но море людей не позволило этого сделать.

Он был похож на пластиковый пакет, плывущий по океану, переносимый приливом с одного места на другое. К тому времени как ему удалось отойти от доски объявлений, он был совершенно разбит.

Пошатываясь, он добрался до цветочной клумбы и опустился на крепкий бетонный бортик, словно из его тела вынули сердце.

Если раньше он дрожал от холода, то теперь его пробирало до костей, словно в солнечное сплетение вонзили глыбу льда. От этого ощущения кровь застыла во всем теле.

Значило ли это хоть что-то, что он потратил на учебу весь прошлый год?

Провалив год назад вступительные экзамены в тот же университет, Масамити покинул свой семейный дом в Аките на севере Японии и переехал один в Канагаву, где находился университет.

Он платил за квартиру из скромных сбережений, накопленных на пособие, новогодние подарки и доходы от подработки. Поскольку подготовительная школа была ему не по карману, он провел одинокий год, полагаясь на бесплатные учебные видео, выложенные в Интернете.

Он ни разу не возвращался в Акиту. Он смотрел на фотографии в социальных сетях, где его одноклассники на родине бурно встречались в начале года, а он, уютно устроившись за маленьким столиком котацу с подогревом в своей обветшалой квартире, посвящал себя учебе.

И вот теперь это.

Я был уверен, что меня примут в этом году. У меня было хорошее предчувствие.

Первоначальный шок немного утих, и его сердце снова начало медленно биться.

Что же мне делать?

Телефон Масамити завибрировал в кармане пальто, словно отвечая на его душевные терзания.

Он поспешно достал его и увидел на дисплее имя своей матери.

подавив бурю эмоций, тут же нахлынувшую на него, Масамити нажал на кнопку разговора и прижал телефон, согретый теплом его тела, к холодному уху.

— Алло?

— Привет, Масамити? Как у тебя дела? Ты говорил, что сегодня день, когда университет объявляет о приеме студентов в этом году. Все интересуются, как у тебя дела.

То, что мать, обычно общавшаяся с ним посредством текстовых сообщений или электронной почты, позвонила ему, говорило о том, что она не может дождаться результатов.

Масамити никогда не испытывал такого сожаления, но врать было бессмысленно. Сделав глубокий вдох, он подавил желание закричать и сказал ей как можно более спокойным голосом.

— Прости меня, мама. Я снова не справился...

Тем вечером Масамити ждало неожиданное событие, когда он потащился на свою подработку.

Последний год он работал в пабе, который входил в национальную сеть и находился в двух станциях от его квартиры.

Ему удавалось сводить концы с концами, работая пять дней в неделю, выполняя различные задания - от подготовки ресторана к открытию до уборки после его закрытия. Работа была довольно сложной, но почасовая оплата была неплохой, а сытные обеды, которые они предоставляли, отлично подходили для студента, готовящегося к поступлению в колледж.

Шок от того, что он во второй раз провалил вступительный экзамен в колледж, был огромным. И все же он был благодарен, что в этот день в пабе было много народу, потому что, если бы он бездельничал, его переполняли бы печаль, горечь, нерешительность и так далее.

Желая хоть на время отвлечься от тяжести реальности, Масамити приложил к работе больше усилий, чем обычно.

После одиннадцати вечера он отправил последнего клиента и начал приводить себя в порядок.

— Привет, Масамити. Подойди на минутку, — сказал менеджер, проверив продажи. Масамити

убирал пол, но менеджер, не дожидаясь ответа, ушел в подсобку, ожидая, что он сделает то, что ему скажут.

Предыдущий управляющий, нанявший Масамити, был добродушным, дружелюбным и отзывчивым пожилым человеком, а новый менеджер пришел в паб месяц назад. Он ежедневно присутствовал на собраниях персонала перед открытием заведения, давал указания и советы, но Масамити ни разу не вступал с ним в личный разговор.

Интересно, чего он хочет? Неужели какой-то клиент пожаловался на меня?

Немного нервничая, он прошел в подсобку и увидел, что управляющий хмурится перед компьютером в глубине комнаты, надев пиджак поверх униформы.

Он заметил Масамити и беззвучно жестом пальцев попросил его подойти ближе.

Он выглядел очень высокомерным, но такой подрабатывающий работник, как Масамити, не имел права обижаться на менеджера из-за такого пустяка.

Когда Масамити робко приблизился, управляющий даже не улыбнулся.

— Это займет всего секунду, так что просто постой здесь, хорошо?

Это прозвучало как вопрос, но было приказом оставаться на месте. Масамити кивнул и остался стоять рядом со столом.

— В чем дело, господин?

— Да. Спасибо за проделанную работу.

Масамити не сразу понял, что это значит, и пробормотал невнятный ответ.

Это, похоже, раздражало менеджера, и он добавил:

— Я хочу сказать, что, по-моему, тебе пора подумать о том, чтобы двигаться дальше.

— А?!

Масамити наконец понял, что его увольняют, и шагнул ближе к столу.

— Минутку, господин! Я сделал что-то не так?

Менеджер преувеличенно вздохнул и откинулся в кресле.

— Может, ты и не сделал ничего плохого, но черт возьми.

— Тогда почему?

— Почему? Ты ведь знаешь, почему предыдущий менеджер был уволен, а на его место наняли меня?

Когда менеджер сказал это пренебрежительно, Масамити вспомнил мягкую улыбку своего предшественника и нерешительно ответил.

— До меня дошли слухи, что мы не слишком прибыльны.

— Верно. Видишь? Ты знаешь, почему.

Управляющий щелкнул пальцами и понизил голос.

— У этого паба фантастическое расположение - напротив железнодорожной станции. Но дела у нас идут не слишком хорошо, потому что у нас так много конкурентов. В отличие от остальных, меня прислали сюда с приказом сделать его прибыльным.

Масамити кивнул, не в силах придумать, что ответить.

— Я хочу как можно скорее добиться результатов и быть вызванным в главный офис. Если я этого не сделаю, меня не повысят и я не выйду победителем. Ты это понимаешь?

— Да... да, сэр.

Менеджер прищелкнул языком, услышав безучастный ответ Масамити, затем достал распечатанный лист бумаги и положил его на стол перед собой.

— Это результаты нашего недавнего опроса клиентов. Взгляни.

Масамити неохотно потянулся за бумагой и взял ее в руки. В ней содержались комментарии клиентов, которые часто заходили в паб.

ДЕВУШКИ В ПАБЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ. ОНИ МИЛЫЕ И ЖИЗНЕРАДОСТНЫЕ.

ЕСТЬ ОДИН ПАРЕНЬ, КОТОРЫЙ МНОГО РАБОТАЕТ, НО МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ.

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ БЫЛО ЧЕТКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ МЕЖДУ КУРЯЩИМИ И НЕКУРЯЩИМИ СЕКЦИЯМИ.

ЭТО СЕТЬ ПАБОВ, ПОЭТОМУ КАЧЕСТВО ЕДЫ ВАРЬИРУЕТСЯ, НО ЗДЕСЬ ОНО ДОВОЛЬНО ХОРОШЕЕ.

ОДИН ИЗ СОТРУДНИКОВ МРАЧЕН И ЛЮБИТ УСТРАИВАТЬ ВЕЧЕРИНКИ.

Кровь отхлынула от лица Масамити.

Менеджер выхватил у Масамити листок и прочитал его вслух.

— "Есть один парень, который много работает, но медлительный"... "мрачный любитель вечеринок". Эй, Масамити? Я спросил наших сотрудников, кто, по их мнению, это, и все сказали, что это ты. Ты ведь можешь сам догадаться, не так ли?

Масамити кивнул и повесил голову, не в силах говорить.

Он знал, каким он был.

Он был интровертом.

Родители, будучи слабым единственным ребенком, опекали его и не позволяли ему часто играть на улице.

Поскольку он мало общался с детьми своего возраста, то, поступив в детский сад, стал застенчивым и замкнутым, ему было трудно проявлять напористость и сближаться с другими. В результате был создан тот человек, которым Масамити Адати является сегодня.

Он всегда был мишенью для дразнилок и насмешек со стороны одноклассников, хотя к нему не придирались всерьез, возможно, потому, что его отсутствие реакции делало его скучным для них.

В школьные годы он получил прозвище Воздух.

У него не было друзей, и ему не с кем было драться. Он не участвовал во внеклассных мероприятиях, а его оценки были средними, как и внешность.

Другие дети, наверное, не могли придумать ничего другого, кроме Воздух, поскольку он был воплощением мальчика, который не был ни хорошим, ни плохим.

Когда он ушел из дома и стал жить самостоятельно, то выбрал этот паб не только из-за благоприятных условий, но и потому, что хотел измениться.

Поэтому он набирался храбрости и присоединялся к своим товарищам, когда они приглашали его сходить в парки развлечений или выпить, но он никогда не мог сказать ничего остроумного или получить удовольствие, как это делали другие. Короче говоря, он был изгоем.

В конце концов они перестали его приглашать, и он исчез из списков друзей других сотрудников в социальных сетях.

Он с трудом справлялся с возбужденной энергией подвыпивших клиентов. Он не мог вести легкую беседу, как другие сотрудники, что еще больше выделяло его из толпы.

Тем не менее он верил, что если будет усердно работать и помогать клиентам от всего сердца, то хотя бы его искренность будет передана. Именно поэтому резкие комментарии были шокирующими.

Я и не подозревал, что клиенты так обо мне думают.

— Эй, ты ведь знаешь, что они говорят о тебе? Поправь меня, если я ошибаюсь. Кто этот парень, о котором они говорят, а?

Злобно ухмыляясь, как кошка, играющая с мышью, менеджер наклонился вперед и заглянул в лицо Масамити.

— Да, господин...

— Я тебя не слышу!

Крикнул он Масамити, когда тот ответил слабым голосом, и все его тело напряглось.

— Ты выглядишь так, будто возвращаешься с похорон. Поэтому люди жалуются, что ты хмурый, и говорят, что у тебя слишком тихий голос. Скажи мне, кто этот парень, на которого все жалуются!

Чувствуя, что вот-вот расплечется, Масамити изо всех сил выдавил из себя.

— Я... господин.

— Я тебя не слышу!

— Я!

Менеджер посмотрел на Масамити с презрением.

— Не плачь из-за такой мелочи. Это я хочу плакать. Ладно, я знаю, что ты много работаешь. Но именно ты портишь веселую, яркую атмосферу. Ты тянешь нас всех вниз, а это нехорошо. Это скажется на продажах, не так ли?

— Да, сэр...

— Не думаешь ли ты, что для нашего бизнеса будет лучше, если ты уйдешь, а мы заменим тебя милой и живой девушкой? Разве это не сделает клиентов счастливыми?

— Я... думаю, да, — дрожащим голосом признал Масамити. Затем он поднял лицо и увидел, что менеджер нахмурился. — Значит ли это, что я уволен?

— А? Ни в коем случае. Я не это имел в виду.

— А?!

Неожиданные слова менеджера вызвали слабый проблеск надежды в щенячьих глазах Масамити.

Но управляющий сказал совершенно серьезно:

— Для того чтобы уволить тебя, есть несколько хитрых правил, таких как необходимость наличия веской причины или предупреждение за месяц, хотя это нормально, если ты категорически настаиваешь на увольнении. Но неужели ты думаешь, что сможешь проработать здесь еще месяц как ни в чем не бывало? Ты хочешь и дальше тянуть нас вниз?

— Э-э...

— Все в порядке. Это твое право, и я его уважаю. Мы легальная компания. Я никогда тебя не уволю. Просто было бы неплохо, если бы ты подумал о своих коллегах и, прежде всего, о том, что лучше для наших клиентов, а затем решили, какой путь ты хочешь избрать.

— Вы предлагаете... чтобы я...

— Эй, я тебя ни к чему не принуждаю. Я прошу тебя хорошенько подумать о том, что ты хочешь сделать. И что же ты хочешь сделать? А? Расскажи мне.

Исчез напористый тон, который менеджер использовал для силового давления, теперь он говорил как кошка, сладко мурлыкая.

Его утверждение, что он не увольняет и не запугивает его, привело Масамити в полное замешательство.

Менеджер продолжал говорить мягко, но настойчиво.

— Я тоже занятой человек, поэтому быстро дай мне ответ. Что ты собираешься делать?

Сказав это так, словно он торопился, менеджер начал повторять одну и ту же фразу снова и снова.

Бежать было некуда.

Вся энергия покинула Масамити, когда он понял это. Единственное, что он мог сделать, - это произнести то, что говорил менеджер.

— Я хотел бы уволиться... с сегодняшнего дня, — сказал он дрожащим голосом.

— Да?! Ты все еще слишком тихий, но я только что смог тебя услышать. Жаль. Очень жаль, но я уважаю твое решение и не стану тебя останавливать. Хорошая работа.

Яркий тон менеджера говорил Масамити о том, как сильно он хотел, чтобы Масамити уволился, и о его радости, что это наконец произошло. Для Масамити это было слишком, и он почувствовал, что у него наворачиваются слезы.

Гордость Масамити не позволяла ему плакать в присутствии управляющего, поэтому он глубоко поклонился и, не говоря больше ни слова, развернулся на пятках.

Он открыл дверь и уже собирался уходить, когда бодрый голос менеджера нанес еще один удар.

— Эй, не забудь сдать форму. И уберись в шкафчике, чтобы не оставить никаких личных вещей. Не забудь: брать что-либо на память из паба - это кража. Ты больше не один из нас, и я без колебаний вызову полицию.

Масамити было слишком больно кивать в ответ на эти бессердечные слова, поэтому он просто тихо закрыл за собой дверь...

Он и представить себе не мог, что наступит день, когда его тяжелым шагам будет так под стать

расколу.

Масамити шел по темной безлюдной улице.

Он ехал на работу на велосипеде, потому что его смена заканчивалась только после отхода последнего поезда.

Если подумать, велосипед у него украли. Это было первым плохим предзнаменованием.

Раньше ему приходилось ходить на работу и обратно пешком, но эти дни прошли.

— А я-то думал, что у меня все хорошо, — слабо сожалел он.

Выйдя из паба и миновав железнодорожную станцию, где до поздней ночи царило оживление, он сдержался, но стоило ему войти в жилой квартал, как он разрыдался.

Глаза Масамити были похожи на сломанный кран, а щеки - на мокрые. Он устал вытирать слезы.

От слез, капавших с подбородка, на его куртке наверняка останется много пятен. Он не плакал так сильно с начальной школы.

Университет отверг меня, а теперь меня уволили с работы... То есть меня заставили уволиться.

Масамити сунул руку в карман.

Он вытащил тонкий офисный конверт. В нем лежала одна-единственная купюра - тысяча иен.

Он был в отчаянии, переодеваясь у шкафчика после увольнения, когда пришел менеджер и сунул ему в карман.

— Я забыл. Вот прощальный подарок. Масамити, это большая потеря для нас, когда уходит такой высококвалифицированный специалист, как ты. Нам будет тебя не хватать!

Вопреки своим словам, он говорил быстро и громко, чтобы его услышали сотрудники, которые все еще находились рядом и готовили товары на следующий день.

По его голосу не было похоже, что он будет скучать по мне. Он был счастлив. Я и не знал, что некоторые люди могут быть так рады моему уходу.

Теперь, когда он остался без работы, даже тысячерублевая купюра была необходима, чтобы свести концы с концами, и у него не хватило духу бросить ее обратно в лицо управляющему.

После ухода менеджера к нему подошел давний работник, который с неловким видом сказал:

— Извини. Приказ менеджера, — и проверил сумку Масамити, чтобы убедиться, что тот ничего не украл.

Несмотря на унижение, Масамити поблагодарил, чувствуя себя несчастным и ненавидя себя. Все, что он мог сделать, это сжать конверт в кармане.

Я не нужен университету, и этому пабу я тоже не нужен. Многие сотрудники все еще были там, но никто даже не потрудился попрощаться, хотя, похоже, они знали, что я уволен.

Масамити вспомнил, как лица его коллег - вернее, бывших коллег - смотрели в его сторону с виноватым выражением, и по его щекам покатались свежие слезы.

Он никогда не был настолько близок ни с кем из них, чтобы называть их друзьями. Тем не менее почти год он работал с ними почти все дни недели, обмениваясь приветствиями и рассказывая о работе.

И ни один из них не был огорчен его уходом и не предложил поддерживать связь.

Этот жестокий факт безжалостно избивал Масамити.

Я знаю, я знаю. Это я во всем виноват. Все были добры ко мне, предлагали встречаться. А я не смог влиться в коллектив. Я не знала, как себя вести, чтобы понравиться им. Я должен был хотя бы притворяться, что мне нравится, но у меня не получалось даже этого.

Он смутно помнил длинную скакалку, с которой его учительница заставляла играть весь класс на перемене. Нынешнее состояние его отношений с людьми было схоже с тем опытом.

Это была игра, в которой двое детей держали оба конца длинной веревки и крутили ее, а остальные дети по очереди присоединялись к прыжкам. Успехом считалось, если все в классе могли прыгать в унисон, и неудачей, если кто-то зацепился за веревку.

Если кто-то нарушал игру, это не влекло за собой наказание, но остальные дети обычно смотрели на них холодным взглядом за то, что они испортили их старания.

Масамити всегда все портил, когда прыгал через веревку; другие дети заставляли его просто стоять на конце и держать ее. Поскольку Масамити было тяжело слышать разочарованные стоны одноклассников, когда он ошибался с прыжком, в конце концов он начал держать

скакалку без подсказки других. Он и его домашний учитель всегда держали скакалку. Из-за разницы в росте и недостаточной физической силы Масамити у него всегда болело плечо, когда они играли в эту игру.

И все же учительница звала его с другого конца, говоря: "Разве это не весело?!" с отчаянной, фальшивой улыбкой. Это воспоминание заставило Масамити тяжело вздохнуть.

Как и в тот раз. Я не знал, когда мне стоит вступать в игру, а когда вступал, то всегда все портил и раздражал всех. Было больно и тяжело раскачивать канат, но я заставлял себя улыбаться, потому что все остальные дети получали удовольствие. Я совсем не изменился.

Но он даже много раз срывался с веревки. Он вспомнил, как учитель говорил ему: "Масамити. Что ты умеешь делать?" и останавливался на обочине дороги.

Грустные воспоминания из прошлого смешались с двумя шокирующими событиями того дня, и его мысли наполнились непроглядной тьмой.

Я ничего не могу сделать правильно. И это еще не все. Я всегда создаю проблемы для других. Я никому не нужен. Нет, это неправильно. Всем было бы лучше, если бы я исчез.

Масамити не в первый раз испытывал подобное отчаяние.

С детства он взращивал в своем сердце теневого зверя. Он кормил его каждый раз, когда у него что-то не получалось или он кого-то расстраивал, и теперь это существо показывало свои клыки.

— Бессмысленно продолжать идти.

Дальше по улице находилась его одинокая квартира, где его никто не ждал.

И если он не найдет новую работу, то потеряет даже это.

— У меня никого нет, и я ничего не имею.

Бормотал он про себя, чувствуя, как из него уходит вся энергия.

Возможно, это было связано со слезами, которые затуманили его зрение.